



Но тот философ говорит: «Не это и не так полагает наше учение; по нему судьбу не представляют как некую личность; напротив того, поскольку у всех существ есть одна некая симпатия<sup>1</sup>, и все само в себе связно, и отдельные части, рассматриваемые в целом, составляют как бы одно тело, объемлются единым согласием, потому что все части одна с другою тесно соединены, — посему, так как верхний удел гораздо главнее, все земное применяется к тому, что предшествует [на небе], и согласуется с этим, потому что сообразно с движением того, что вверху, неизбежно движется все здешнее преимущественно, как сказано, силою каждой усматриваемой звезды. Как качества веществ, искусственно смешанные в лечебном составе по некоему

---

<sup>1</sup> «Симпатия» (сочувствие) всех вещей — древнее оккультно-пантеистическое представление о том, что все вещи в мире связаны некоторой связью взаимного сочувствия, сопереживания, образуя единый живой организм.

правилу, в общем растворе становятся не тем, чем были до взаимного их смешения, так, поскольку и звездные силы имеют различные свойства, то разнообразное сочетание различных свойств, происходящее от сближения и отдаления звезд, производит многообразные различия совершающегося в жизни, как бы неким потоком непрерывно оттуда льющимся на нас. Посему-то предсказания будущего, которые делают любомудрствующие со тщанием, бывают непогрешительны. Ибо как сведущим во врачебном искусстве ясно, какое свойство получится при смешении разнообразных веществ (если горячительное или производящее онемение лекарство смешано с соленым или вяжущим), а также то, что оно производит и насколько долго это будет иметь силу, для кого бывает губительно, а для кого спасительно, — так и тот, кто со тщанием внимает вышним вещам, постиг природу каждого сущего, познает силу сочетания их

качеств, что она производит. Самый же поток сей и на малое время не бывает сам себе подобен. Напротив того, поскольку движение входящих во взаимное сочетание звезд никогда не останавливается, то и он неизбежно изменяется, непрерывно переиначиваясь согласно с [этим] движением, всегда состоя в связи с разнообразием движения и по движению звезд изменяя свои действия. И каждый из вступающих в жизнь, привлеки себе из сего потока ту долю, какая достается ему сообразно этому мгновению<sup>1</sup> времени, делается тем, что преуказало и произвело свойство этой части. Ибо со всей неизбежностью, как оттиск печати, сделанный на воске, отпечатлевает изображение, так и человеческая жизнь бывает увлечена такою долею силы, истекающей из движения звезд, которую в мгновение [рождения] привлек начинающий жизнь, и по свойству этой части [жизнь

---

<sup>1</sup> Мгновению рождения.

человека] и должна делаться тем, что имела в себе доля истечения, и [начинающий жить,] однажды будучи запечатлен сообразно той силе, неизбежно сообразуется в свойстве образа жизни, делая или претерпевая то, чему начало и причины положила для него первая встреча с тем звездным потоком».

Когда сказал он это, заметил я ему: «Неужели ты не перестанешь распространяться предо мною в пустословии и бреднях, доказывая, что та неделимая доля мгновенного приобщения притекает к нам свыше, по словам твоим, служа причиною всего, что в нас? Но ты не говоришь, одушевлено ли это, и имеет ли свободное произволение, и как господствует над одушевленными не одушевленное, не имеющее самостоятельности, неспособное показать, что есть в нем какое-либо собственное, природное стремление? Напротив того: над всякою волею, предусмотрительностью рассудка, ученостью, тщательностью

и добродетельными предначинаниями в слове своем поставил ты, как бы каким самоуправным властелином и владыкою, что-то неодушевленное, несвободное в произволении, непостоянное, преходящее, неделимое, несостоятельное и в зависимости от силы этого поставляешь состав и управление существ и не видишь, в какие нелепости вдается учение твое? Ибо если доля того потока имеет такую силу, что по ней совершается то, что пришло в бытие при первом ее излиянии, то, конечно, потому, что не как продолжающаяся последовательность, но предварительно<sup>1</sup> направляется ею составление существующего. Посему доля сия, по мере собственной силы своей, выведет рождаемого наружу, но не будет помогать рожденному при встретившихся ему обстоятельствах. Ибо не видно здесь, что является первоначальным, потому что то и другое во мгновении равно

---

<sup>1</sup> То есть заранее и раз и навсегда.

одно с другим сходится. И человек прежде исшествия из чрева [матери] находится в движении, движимый умалением и возрастанием в естестве, и сие составляет род движения; и звезда, прежде нежели человек вдохнет в себя воздух, уже в движении и не стоит на месте. И встреча равно встречающихся между собою вследствие движения делает затруднительным решить, что чему предшествует: ибо и звезды движутся, круговращаясь, и рождаемое совершает естественный свой путь. Если же то и другое взаимно сходится в один период времени, то какая у них между собою разница, чтобы одно признать причиною другого? Ибо если человек [существует] по причине звезд, то природа должна была бы непрестанно истекать рождением, ни на мгновение не перерывая появления на свет человеческого рода. Если же бывает много промежутков между появлением рождающихся, то [этим] ясно показывается,

что рождение человеческое не следует за движением звезд, ибо звезды всегда движутся, а люди не всегда рождаются. И звезды идут собственным своим порядком, и у людей особый порядок, и что далеко между собою по природе, того никакая необходимость не связывает друг с другом. Если же учение ваше утверждает это, а именно, что в той доле времени заключается причина всего, что бывает в жизни, то смотри, сколько множества владык и тиранов производит всякий день, а равно и всякая ночь в эти краткие и мгновенные периоды времени, потому что ночь и день, как вы говорите, делятся на двадцать четыре часа, а каждый час подразделяется на шестьдесят частей; и опять каждая из этих частей в свою очередь и далее делится на такое же число малейших частей, и, как говорят у вас прибегающие в слове к утонченнейшему наблюдению подобных вещей, каждая из сих поименованных частиц подвергается



новому равночисленному разделению<sup>1</sup>. Итак, составляемое из этих мгновений множество тех богов, или владык, или тиранов, или не знаю, как и назвать их надлежит, превышает собою двадцать один раз по десять тысяч. Если же один час производит нам столькие десятки тысяч доль, то двадцать четыре часа, в отношении к одному многократно взятые, конечно, породят несчетное количество раз по десять тысяч доль. А ваше учение утверждает, что каждая из этих доль имеет неизбежную силу. Из сего следует, что ни одна из них не бездейственна, потому что бездействие не назовешь отличительным свойством силы; сила же, без сомнения, усматривается в деятельности. Посему равны силе и ее произведения, так что сколько в каждом часу частиц, столько неизбежно составляется в нем и человеческих рождений. И если

---

<sup>1</sup> Речь идет о древнем аналоге современного деления времени на дни, часы, минуты и секунды.

каждой доле надлежит приписать одинаковое могущество, то равнозначность сил равно сделает всех царями, долговечными, сильными, благополучными, счастливыми, имеющими все, что почитается самым дорогим жребием. Ибо недостаток в чем-либо из сего есть обвинение силы в несовершенстве. И никто не припишет равной силы производящему и великое, и малое. Например, один прожил более ста лет в цветущем здравии, окруженный детьми, сопровождаемый внуками и радуемый в благополучной старости целым родом от них, не зная болезней и страданий, почтенный, беспечальный, в изобилии наделенный богатством и всем, если что иное почитается дорогим в этой жизни, наконец, всеми убажамый. Другой в то же время, как произошел на свет, был задушен: многие из рождаемых, будучи плодом блуда или прелюбодеяния, гибнут от матерей, которые, родив их незаконно, своими руками предадут смерти, скрывая тем улику. Где же видно здесь

могущество доли? Почему для той же меры жизни сила судьбы оказалась недостаточною? Если ваше учение почитает для себя должным приписывать ей могущество, то сила ее окажется равною для всех существ, а не будет на одно достаточною, на другое же недостаточною, если действительно признается силою, потому что сила познается по произведениям. Поэтому никакой неправильности не будет иметь жизнь, когда все равно показывают в себе высочайшую меру благополучия, потому что все, по учению вашему, подлежат судьбе, а судьба все и всегда может, говорите вы.

Итак, если все и всегда может эта судьба, то сможет она все и над всеми. Но многочисленны и многообразны различия жизни людей — в достоинстве и имуществе, в продолжительности времени [жизни], в сложении тела и во всем, отчего человек именуется или блаженным, или злосчастливым. А что не все может эта создаваемая вашим словом доля,

или судьба, это ясно показывает неравенство произведений. Ибо если долговечность почитаем делом силы, то кратковременность жизни, конечно, есть дело немощи. Посему надлежит признать за несомненное, что иная судьба немощна, а другая могущественна, потому что кратковременность противоположна долговечности, а потому что каждая из них производится, конечно, противоположностями. Ибо никто не поставит в зависимость от одной и той же причины и блаженство, и злополучие, но если в одном преуспеваем вследствие того, что есть сила, то другое, конечно, не произойдет без недостатка в силах. Ибо в не чем ином заключается злополучие, как в неимении сил сделаться блаженным. Но большая часть людей злополучны в продолжение жизни; следовательно, бессилие судьбы проявляется в большей мере, нежели ее сила. Посему где же эта непреоборимая, всемогущая, неминуемая неизбежность,

у которой бы во власти состояло управление всем житейским, когда по логике [нашей] речи оказалась она бессильною в большей части случаев?

Но скажешь, что одному она хочет этого, а другому не хочет, но для обоих имеет силу сделать, что ей угодно. Посему, конечно, представишь и причину разности сих произволений. В естестве первого и второго человека нет никакого различия, ни у того, ни у другого нет ни хорошего, ни дурного в произволении, но один вышел из материнской утробы, предварив [другого] на самую малость, потому что так случайно извергло его естество, а другой последовал или непосредственно за ним, или вскоре после него. И после этого дается им в удел не одна и та же жизнь, но один, счастливец (или, если случится так, царь), с первого дня рождения обложен золотом и багряницею, а другой, сын какого-нибудь бедняка или раба, не завернут даже в рубище родившими его. Посему